

Шулемович умер. От несчастного случая. Он упал в канаву, сломал шейку бедра, но главное — заболел воспалением легких. Пока его вытащили, успел простыть. Вот сто лет человеку, а его смерть оказалась для всех неожиданной. На похороны пришел весь двор. Все женщины плакали, а Циля громко что-то втолковывала мадам Бритве — единственной, кто не плакал. Только моя бабушка не вышла из квартиры. Она всплакнула дома. Папа и мама были на работе, а я, когда вернулся, застал бабушку за возней с примусом. Глаза у нее были красные, губы поджаты. Огонь сухого спирта и освещал, и окрашивал ее лицо. Я вспомнил слова бабушки, что это, мол, не Шулемович, это тень Шулемовича, и представил себе, как невероятно длинна его жизнь. Я практически и не застал ее. Она отделена от меня невидимой дверью, по эту сторону которой живу я, а по ту — он, а меня никогда не было. И еще я представил себе, что в центре этой двери есть крошечное отверстие, и сквозь него проливается таинственная, наоборотная, как еврейские книжки, жизнь Шулемовича, и Шулемович, оказавшийся со мной в одном времени, был не тенью, а наоборот — светом. Ну, не тем светом, луч которого в темном царстве, а живой проекцией своей длиннющей жизни, маленьким, цветным, живым изображением. И изображение это казалось мне смешным и перевернутым. Ведь Шулемович, живший в какие-то учебниковые времена, никогда в моем присутствии не проявил себя, как их очевидец и свидетель. В этом смысле он был ничемнее древней стены или дерева. Но вот бабушка что-то разглядела, она понимала, кто есть Шулемович на самом деле. Или хотя бы — кем он был. Для меня же он так и остался Хоттабычем-побирушкой, хозяином волшебной камеры-обскуры, о которой он даже не подозревал.

Израиль

Фрегат

Публикуемая глава из романа одесского писателя Родиона Феденева "Граф Ланжерон" относится к тем временам в биографии одного из первостроителей Одессы, которые до сих пор оставались мало известными даже для специалистов: пребывание молодого графа Ланжерона в Америке, его участие в борьбе за независимость Соединенных Штатов от Англии.

Только 25 сентября 1882 года военный фрегат "Aigle", что в переводе означает "Орел", выбрал свои якоря у причала Ла-Рошели, под всеми парусами обогнул западный мыс с крепостью Брест и, не зажигая ночью огня, благополучно миновал посты английских кораблей, которые топили все и вся, что устремлялось к берегам Америки. Задержка в Ла-Рошели объяснялась то медленной доставкой грузов и провианта, то смотром судна морским начальством, а то попросту выгрузкой ядер из трюмов на палубу, где их подолгу и тщательно очищали от ржавчины, а потом снова опускали в трюмы.

Карьера лейтенанта де Ланжерона так или иначе проецировалась на военное противостояние Франции и Англии. Сразу после коллежа пять лет назад он начал службу прапорщиком сверх штата в королевской гвардии Версаля, а потом в чине подпоручика пехотного полка графа де Дама (приходящегося ему дядей по материнской линии) должен был принять участие в военных действиях у берегов Англии. Но эту экспедицию отложили, и граф Ланжерон уже в чине сублейтенанта служил в пехоте Лимозина, а потом в полку драгун принца Конде, где все офицеры устремляли свои взоры на американский континент: там армия Вашингтона сражалась с англичанами при поддержке французов.

Среди сухопутных офицеров на корабле лейтенант де Ланжерон с удивлением увидел графа Луи Филиппа Сегюра и виконта де Ноайля. Первый вел свой род из протестантов провинции Гиен, в Париже имел прозвище молчальник Сегюр и был сыном военного министра, которому Александр писал о своем переводе в отряд экспедиции. Второй был братом жены Лафайета. Им на фрегате предоставили отдельную каюту. Трехмачтовый фрегат с шестьюдесятью пушками на борту стал домом лейтенанту Александру. Команда, двести моряков, артиллеристов, обслуга разного сорта и рода, отряд инфантерии — все это помещалось в кубриках, на палубах, даже в трюмах. "Тут многолюдно, как в воскресенье на Ели-

сейских полях", — записал он в своем дневнике, который озаглавил "Дневник для Дианы". Первую ночь он спал в каюте, которую делил с лейтенантами Шарлем, Риго де Водрелем и капитаном Квентином Ришеборгом. Но на вторую ночь он в каюту не пришел, и сколько его не искали — найти не могли. Лейтенанту Риго пришлось идти в каюту своего отца вице-адмирала де Водреля, который командовал на корабле всем, разбудить его и доложить о том, что лейтенант де Ланжерон исчез.

- Много ли вы пили за ужином? — резонно спросил вице-адмирал.
- Только ром и только положенные четверть пинты, — заверил его сын.
- Не угостил ли вас кто смолой? — спросил отец.

Риго Водрель убедительно протестовал: к смоле, то есть к чаю с ямайским ромом и к опию они не только не прикасались, но сухопутные Ланжерон, Квентин Ришеборг и Шарль Виомениль и понятия не имеют, что это такое — смола.

Вице-адмирал вызвал старшего офицера и приказал начать тщательные поиски. Лейтенанта Ланжерона искали на всех палубах, среди оружейных команд, вахт левого и правого бортов, на спардеке, гон-деке, в кубриках, среди якорных тросов и бочек в трюмах, заглянули в скрытые камеры, опросили старшин-оружейников, старшин главного и носового трюма, полицейского жилой палубы, офицерского, капитанского и камбузовых коков, рассыльных, вестовых, военного капеллана и даже буфетчика кают-компания — все безрезультатно.

Лейтенант Ришеборг, в первый же день своим могучим телосложением покоривший всю морскую команду, глядя на ровные океанские волны за бортом, без тени иронии сказал:

- Да он как в воду канул!

Капеллан, а следом за ним вице-адмирал перекрестились.

Дождались рассвета, вице-адмирал приказал бить тревогу, и тотчас над палубами фрегата раздалась всепроникающая, с переборами и раскатами барабанная дробь. Все и вся на корабле через несколько минут заняло свои места по расписанию боевой тревоги. И, главное, сделано это было чрезвычайно вовремя! По правому борту на норд-весте был замечен линейный корабль англичан. Пушки его были еще на расстоянии большем, чем на выстрел, а поэтому более легкий французский фрегат, пользуясь попутным ветром, ушел от небезопасной встречи.

— Двойную порцию рома грот-марсовым, что первыми заметили английский линейный! — приказал вице-адмирал.

Но марсовый старшина сообщил, что еще вчера под вечер к нему на

грот-марс влез пехотный офицер лейтенант Александр с театральным биноклем и оставался там до самой смены вахты. Выяснилось, что лейтенант граф Ланжерон не впервые попал на парусник. В детстве и юности он вместе с отцом, губернатором Бреста, бывал в брестском порту и на судах, где, естественно, основным развлечением для него было подняться на марс. И вот на второй день своего пребывания на фрегате, прихватив театральный бинокль, он, хоть и с трудом, но все-таки взобрался к желанной цели. Марс фрегата — сооружение вокруг мачты, напоминает балкон. Марсовые матросы в хорошую погоду и спят тут. Поэтому, вспомнив о душевной каюте, лейтенант остался на марсе на ночь, устроив из свернутых парусов романтическую постель. Искавшим его не пришлось в голову послать пару матросов на грот-марс. Поэтому ничего не подозревавший лейтенант проснулся на рассвете и, обозревая в свой театральный бинокль просторы Атлантики, заметил английское судно.

— Да вы в рубашке родились, — сказал вице-адмирал Водрель спустившемуся на палубу хорошо выспавшемуся лейтенанту.

От своей порции рома лейтенант Александр отказался в пользу марсовых, так как этот напиток ему не пришелся по вкусу. Вице-адмирал Водрель пригласил "проштрафившегося" лейтенанта и его приятелей в свою каюту на завтрак, где ром был заменен отменным фронтиньян-бордо времен семилетней войны. За завтраком вице-адмирал к вящему разочарованию офицеров сказал, что вряд ли на американском континенте им следует ожидать жарких дел.

— Но зачем же тогда отправлена наша экспедиция? — спросил лейтенант Александр.

— Не могу, не имею права пока говорить об этом, — ответил вице-адмирал. Он взял со стола запыленную бутылку и, указав на дату, когда вино было налито в нее — 1760 — продолжил: — Вот когда все это началось. Мы потеряли наши колонии в Индии и Канаде. Нет, кое-что осталось, но былого влияния в мире, боюсь, нам уж не вернуть.

С этим молодые офицеры согласиться не могли.

— Я со времен коллежа не очень жалею маркиза Лафайета, — сказал лейтенант Ланжерон, — но он в свои девятнадцать лет опроверг вашу мысль. Капитан Лафайет купил и снарядил корабль и с десятком молодых прибыл в Америку именно для этого: возродить былое влияние Франции!

— Может быть, — ответил вице-адмирал Водрель, подав знак своему буфетчику разлить вино по бокалам. — Но из-за чего началась эта так называемая война за независимость Америки от Англии? Из-за налогов

и земли. Оставлять собранные налоги в распоряжении колониальных Ассамблей или отсылать деньги в Англию? Если отсылать, то на что жить в колониях Америки? Но можно жить на доходы от осваиваемых земель. А англичане ввели запрет освоения западных земель. Генерал Вашингтон в первую очередь землевладелец. У него двадцать пять тысяч гектаров. И с ними он был в вечных долгах! Так что ваш Лафайет помогает землевладельцу Вашингтону, а не возрождает былое величие Франции.

— Но это только начало, — сказал капитан Квентин Ришеборг и накрыл своей огромной ладонью бокал с вином. — Потом мы вернем Франции Канаду и владения в Индии.

— Это отличный тост! — воскликнул лейтенант Шарль.

— Не могу к нему присоединиться, — сказал, грустно улыбаясь, вице-адмирал. — У нас просто нет денег на еще одну войну. Мы послали Вашингтону около десяти тысяч солдат, военное снаряжение, свой флот, а теперь едва наскребли немного пороха и обмундирования. Мы одолжили Америке миллионы, а надежда на их возврат весьма сомнительна.

Офицеры поскущели, но капитан предложил:

— Так что, выпьем за счастливый случай, приведший к тому, что лейтенант Ланжерон оказался на грот-марсе со своим театральным биноклем. Иначе сейчас нам было бы совсем не до этого прекрасного вина.

После этого счастливого случая команда фрегата "Орел" присвоила графу де Ланжерону кличку "марсовый лейтенант".

Хотя жизнь на военном фрегате была четко расписана и регламентирована, сухопутные офицеры и их отряд в три сотни человек чувствовали себя изнывающими от скуки пассажирами. Иногда, чтобы встряхнуться, проводили учения на верхней палубе, но эти "сражения" с воображаемым противником набили им оскомину и на суше. Так что основным времяпрепровождением у офицеров были карты, разговоры за полночь и письма, которые писались впрок, в расчете по прибытии отправить их во Францию с оказией. В своем "Дневнике для Дианы" марсовый лейтенант Александр записывал: "Возьмите ваш глобус, милая Диана, найдите точку посередине Атлантического океана и поверьте в то, что я сейчас нахожусь именно здесь. До меня доносится команда ставить какие-то неизвестные мне грот-бом-брамселя, в окошко я вижу то облака, то бесконечно убегающий куда-то зеленый шлейф, над которым постоянно трудится здешний портной — это ветер. Ни наши паруса, ни наш корабль ему не нравятся, но мы используем его недовольство и, как нас уверяют моряки, движемся с хорошей скоростью. Я в это не верю. У меня такое впечатление, что мы

стоим на месте и всего лишь бьемся об эти нескончаемые волны. Одно хорошо: я не удаляюсь от вас. С палубы я вижу рулевого, который напоминает мне кучера парижского фиакра, подъехавшего к вашему дому на Сент-Оноре и вставшего, чтобы посмотреть: можно ли въехать в ворота, украшенные вашим вензелем... Три дня я провел в каюте, мою болезнь тут называют обыкновенной морской болезнью, но я считаю ее расплатой за то, что поступил опрометчиво: уехал из Парижа и, несмотря на ваш запрет, не повидал вас. Но что говорить — я был в отчаянии от вашего письма и оттого, что в Генуе вы даже не повернули в мою сторону свою очаровательную головку.

Как-то утром, умываясь в туалетной при кают-компании, он сказал:

— Вокруг океан, вода и вода... Тут так много воды, что умываться противно.

Когда эта фраза дошла до вице-адмирала Водреля, он послал лейтенанту флакон прованской туалетной воды.

Офицеры от инфантерии старались постичь морские обычаи, жаргон и все время путались в сложных названиях парусов. После двух-трех проб лейтенант Ланжерон воскликнул:

— Нет, если это паруса, то что такое латынь?!

Вице-адмирал смеялся, и его кок выпек в этот день для офицеров английский пудинг.

Лейтенант Александр освежал в памяти английский, просмотрел, а отчасти и прочитал довольно скудный запас книг из библиотеки кают-компании. На ум не шли ни фолианты "Опытов" философа-англичанина Локка ни "Искусство войны" ссыльного флорентийца Макьявелли, враждовавшего с домом Медичи. Лейтенанту сказали, что у матросов есть своя библиотека, и он разыскал трюмного старшину, который держал свою библиотеку в бочке, которую, чтобы показать книги, пришлось перевернуть. Библиотекарь-старшина весьма советовал лейтенанту познакомиться с книгой некоего Нокса, который был девятнадцать лет в рабстве на Цейлоне и написал об этом книгу. В ней он рассказал и о дьяволе, которому местные жители приносили в жертву колбасу, но так и не задобрили его, а он сводил их с ума, потому что, как видно, жертвенная колбаса была не того сорта.

Да, матросы корабля, как установил Александр, развлекались по-своему. Офицеры играли затяжные партии в шахматы. Матросы предпочитали шашки на досках из парусины. Устраивали кулачные бои, сражения на палках. Были среди них и специалисты по татуировкам. Капеллан уверял, что наиболее модная татуировка — распятие, так как матросы-католики

боялись внезапной смерти и надеялись, что их похоронят достойно, увидев на теле такую нравственную наколку. Но лейтенанту показали матроса, у которого была наколота корабельная цепь. Причем она начиналась у шеи и обвивала все тело до пяток, не оставляя живого места.

— Да, это самая дорогая цепь, — подтвердил капеллан. — Татуировка каждого ее звена обошлась этому грешнику тридцать су. Столько же он платил за одно посещение театра, где ему так и не привили начала нравственности.

Театр! Слово было произнесено, и лейтенант Ланжерон поинтересовался: бывает ли театр на военном фрегате? Выяснилось, что моряки во время длинных и однообразных переходов сами устраивают театральные зрелища. Среди них был поэт, матрос вахты левого борта, крьюйс-марсовый Огюст из Нанта. Его привели к лейтенанту. Поэт был хмур и неразговорчив. Оказалось, что свои поэтические творения он хранил подальше от чужого глаза за дульной пробкой в стволе пушки-коронады. Но он не успел достать свои вирши, когда вдруг объявили учебную стрельбу, и все его поэтические перлы были выпущены из пушки вместе с ядром.

Лейтенант Ланжерон утешал поэта:

— Ничего. Читайте, что ваши произведения все-таки были выпущены в свет!

Огюст сочинял на корабле и драмы с лаконичными названиями: "Мечты висельника", "Головорез ночью"... С Огюстом лейтенант и сочинил фарс "Свадьба", используя два театральные типажа пройдохи и простофили. Пройдоха то продавал простофиле спардек и клотик (часть палубы и верхнюю часть мачты), то отдавал ему в жены свою сестру по имени Нагель (болт для наворачивания снастей), за которой было богатейшее приданое в виде золотых люков и портов (дыры в палубе и бортах судна).

Но воплотить пьесу на досках юта не удалось: фрегат после месячного плавания приблизился к берегам американского континента и теперь следовало найти хоть один из семи кораблей американского флота или хотя бы наткнуться на какое-нибудь французское судно, чтобы выяснить обстановку и определиться с портом выгрузки снаряжения и припасов для американской армии.

— Теперь не до богини Мельпомены, — сказал вице-адмирал де Водрель. — Театральные начинания отложить, всем смотреть в оба.

"Орел" полным ходом шел мимо залива реки Делавэр, по левому борту уже был Кап-Мэй, как желаемое совершилось: впереди показались паруса, но, увы, это были паруса английского фрегата и двух легких английских клиперов. От тревожной барабанной дробы боевой тревоги все пришло в движение, капитан коротко посоветовался с морскими офицерами, и при-

нял решение: немедленно вступить в бой. Сухопутным офицерам оставалось лишь комментировать меж собой события и никому не мешать. Правда, на их лицах читался немой вопрос: "Как мы в одиночку вступим в бой с тремя судами неприятеля? Клиперы могут зайти нам в тыл". Лейтенант Водрель, более осведомленный в морских делах — все-таки сын вице-адмирала, — объяснил: "Видите, англичане стали в линию, бортами к нам. Готовятся к стрельбе. И мы становимся к ним правым бортом. Клипера могут приблизиться к нам только слева — тогда мы пойдем им навстречу и наверняка потопим. Но они не приблизятся — вооружение не то".

И в этот миг внизу, где-то в чреве их фрегата, что-то ухнуло и взорвалось так, что палуба будто ударила в подошвы офицерам и сотрясла их ничего не ожидавшие тела — только спустя минуту, в течение которой они почти оглохли, сухопутные догадались: пушки их правого борта начали свою пальбу. И лишь по дымам с бортов английских судов можно было понять: и они обстреливают французский фрегат. Артиллерийская дуэль длилась и длилась, но пушки верхней палубы, где находились сухопутные офицеры, почему-то не вступали в дело, хотя и ядра уж были в стволах, и винтовые прицелы готовы, и фитили зажжены. Лейтенант Александр показал на них и принял удивленный вид — лейтенант Водрель понял его немой вопрос и прокричал лейтенанту на ухо: "Они для ближнего боя!". Двадцатичетырехфунтовые ядра пушек-коронад наносили страшные разрушения, но при сближении на сто пятьдесят ярдов.

Дуэль продолжалась два часа. Одно английское ядро угодило в верхнюю палубу "Орла", взрывом все было сметено, взорвались и несколько коронад, готовых к стрельбе, истошно закричал раненый артиллерист, лейтенант Александр увидел несколько неподвижных тел, но уж было не до них: в гари и дыме появились языки пламени, бухты просмоленных канатов вспыхивали кострами, огонь подбирался к парусам и мачтам, кто-то безуспешно пытался тушить пламя... Когда и как были отданы нужные команды, сухопутные офицеры не уловили, но фрегат снялся с якорей, матросы уж были на реях и распускали необходимые паруса — судно стало уходить от неприятеля в Делавэрский залив. Вице-адмирал Водрель перекрестился и сказал:

— Не сесть бы нам на мель!

В свой театральный бинокль лейтенант Александр успел разглядеть с кормы, что и англичане не остались без потерь: один из клиперов дымил, а на другом была снесена мачта. Но английский фрегат начал преследование. Впрочем, оно закончилось ничем: в бухту Делавэр англичане войти

не решились. К этому времени пожар был потушен, убитого артиллериста накрыли парусиной, ранеными занимался судовой доктор. Выяснилось, что еще одно ядро англичан пробило борт у самой ватерлинии, в трюмы поступала вода.

Вице-адмирал принял решение идти вверх по реке Делавэр к Филадельфии. Беспокоило одно: фарватера реки он не знал, а поэтому отдал команду убрать часть парусов и промерять глубины лотом. Несмотря на октябрь, пологие берега залива были зелены и сплошь покрыты непроходимыми зарослями. Когда берега реки сузились, прямо по фарватеру появилась лодка с двадцатью гребцами и вооруженными людьми на ней. Лодка подошла к левому борту, стали различимы кирпично-красные лица гребцов. Это были индейцы с отрядом ополченцев, которыми командовал низкорослый плотного сложения человек с двумя пистолетами и ножом за поясом. Из лодки он крикнул по-французски:

— Я майор Джеймс! Пограничный контроль! Ваши намерения?

Через несколько минут он был на палубе, предложил свои услуги — довести фрегат к причалам Филадельфии, сообщил, что там есть небольшая верфь, где можно затеять ремонт, и сказал, что индейцев надо угостить водкой:

— Они знают все здешние мели и пригодятся вам на разгрузке.

Вице-адмирал Водрель тут же осведомился: какое количество водки надо дать, чтобы индейцы все-таки не утратили свои столь ценные качества. Майор ответил, что это не индейцы племени Делавэр, которые могут перепить десяток таких, как могучий лейтенант Ришеборг, а ирокезы, пришедшие сюда с севера, их возможностей он еще не знает, поэтому следует начать с обычной морской порции. Оказалось, что несмотря на великую войну американцев и французов с Англией, индейцы ирокезы ведут свои счеты с делавэрами, которых и вытеснили из этих краев на Запад. На палубу поднялся и сашем (вождь) племени. Холодок прошел по спинам офицеров, когда они увидели на его поясе болтающиеся на ветру пергаментные, с остатками волос скальпы врагов. Он был в кожаных штанах, шляпе с разноцветными перьями, а на груди поверх куртки охотника лежало в несколько рядов тяжелое ожерелье. Сашем улыбнулся, что-то сказал и деловито выпил матросскую чарку.

От майора-ополченца Джеймса офицеры узнали и последние новости. Генерала Вашингтона в Филадельфии не было. Он со своим штабом расположился под Нью-Йорком, все еще занятым английскими войсками генерала Клинтона.

— Жаль, жаль, что вы не прибыли в Филадельфию чуть раньше, после нашей победы под Йорктауном, — говорил майор. — Восемь тысяч англичан сдались в плен! Я был при этом. Нет, сдавались они красиво. Шли в своих красных мундирах, колонной, даже с оркестром. Правда, оркестр играл песенку "Мир перевернулся вверх тормашками"... Что мы перед ними? Оборванцы. Но они нам сдались! Их генерал Корноваллис поклялся поймать вашего мальчишку Лафайета, а мальчишка сам поймал его! Вашингтон на банкете пил за здоровье вашего короля.

А в Филадельфии в каждом окне зажгли по свече. Был такой фейерверк, что его, верно, и в Лондоне видели. Вашингтона наградили двумя английскими знаменами, вашего генерала Рошамбо трофейной пушкой, а мой двоюродный брат — он привез весть о победе в Филадельфию — получил лошадь и шпагу. А теперь... Теперь, конечно, Вашингтона называют, как вашего короля, Джорджем Первым. Но нам от этого не слаще. Обещали заплатить жалованье за пять лет — не дали ни гроша. У моего отца имение выше по реке. Он дал армии и лошадей, и провиант. Взамен получил квитанции. А оплачивать их никто не собирается — денег у Конгресса, видите ли, нет! Мы всю эту проклятую войну мерзли и голодали, а нам, и ополченцам, и армии выдали бумажки — сертификаты — мол, потом заплатим! А сами теперь эти сертификаты у солдат скупают за гроши, чтобы самим потом получить сполна. За что мы воевали, если остались с пустыми карманами?

Майор вопрошал хмурые небеса. На груди солдата, сопровождавшего его, ярко выделялось что-то вроде ордена, вырезанного из пурпурного шелка. Лейтенант Александр спросил, что это за награда?

— Орден "За военные заслуги", — гордо ответил солдат. (Это был первый орден, введенный Вашингтоном для своих солдат. Вскоре он был забыт, а возрожден был через сто пятьдесят один год, в 1933 году, как орден "Пурпурное сердце".)

При появлении фрегата на причале Филадельфии собралась толпа. Но первое, на что обратил лейтенант Александр, сойдя на берег, был пес, обклеенный зелеными ассигнациями.

— Доллар настолько обесценился, что так у нас развлекаются, — пояснил майор.

"Этот обклеенный бумажными долларами бездомный пес — итог всех громких слов о Свободе", — подумалось лейтенанту Ланжерону.

С прибывшим представителем военного министерства майор Джеймс быстро организовал разгрузку, заверив, что его индейцы ничего не укра-

дуг. Французских войск в Филадельфии не было. Шарль Виомениль спросил у чиновника министерства о своем отце, бароне Виомениле.

— Барон Виомениль? — переспросил чиновник министерства. — Не знаю. Но наверняка он вместе с генералом Рошамбо на подходах к Нью-Бери, где стоит штаб генерала Вашингтона.

Одно— и двухэтажная Филадельфия ничем не радовала глаз. Офицеры остановились близ ратуши на первом этаже отеля "Мэй". На втором этаже обитали прекрасные незнакомки, которых хозяин отеля изящно называл потаскухами. Справились о почте и сдали туда пухлые письма в надежде, что какой-нибудь торговый корабль увезет их в Европу. Свой "Дневник для Дианы" Александр адресовал Терезе Вапалье, но передал его капитану Квентину Ришеборгу, который отправлял почту в Париж на имя Мари — кузины Дианы.

Городские власти в честь прибытия фрегата "Aigle" дали распоряжение господам актерам повторить представление первой американской оперы Хопкинсона "Замок Минервы", и французским офицерам пришлось битых два часа внимать скверным ариям и хору, который славил Минерву и Гения Франции и крещендо воспевал увенчанного победой воинственного сына Колумбии, сиятельного Вашингтона. Вечером рекогносцировки лейтенантов Шарля Виомениля и Риго Водреля на второй этаж отеля дали свои плоды. Прекрасные незнакомки оказались голландками и шведками, и в их компании вечер плавно перешел в ночь.

Встали далеко за полдень. Помня о вчерашнем испытании оперой, лейтенант Александр не пошел в театр на пьесу Гаррика "Лживый слуга", а отправился с графом Сегюром в настоящий американский музыкальный салон. От французского он отличался обветшалой мебелью, выписанной из Лондона, и серомраморными бюстами Шекспира и Мильтона того же происхождения. Прически дам не копировали парижские "корабли и сады", но платья соперничали своими объемами с европейскими. Хозяйка салона мисс Шиппен вполне аполитично исполнила на скрипке несколько пьес английских вирджинистов. За вестминстерским чаем и ливерпульским бисквитом лейтенант Александр был свидетелем того, что и всегда молчаливый граф Луи Филипп Сегюр может быть неудержимо разговорчивым и галантным. Разговор зашел о Лафайете, и граф вдруг сказал:

— Все в жизни решает случай. Единственный и неповторимый случай, который часто именуется Судьбой.

Мисс Ратледж, компаньонка мисс Шиппен, попросила объяснить, что имеется в виду, и граф Сегюр продолжил:

— Вот вам случай первый. Ваш маркиз Лафайет, которого тут превозносят, иногда бражничал в харчевне "Деревянная шпага". Это местечко на полпути из Парижа в Версаль, в Булонском лесу. Я имел честь быть его собутыльником. С нами бывал герцог де Ларошфуко — внук моралиста, виконт де Ноайль, брат жены Лафайета, шевалье де Куаньи... Мы веселились, мы импровизировали пародии на Парижский парламент и на короля, низвергали политические системы и обсуждали "Общественный договор" Руссо. На нас, разумеется, донесли. Король вызвал меня и потребовал объяснений. Но Людовика я знаю с детских лет — у нас были общие учителя, а поэтому мне ничего не стоило все свести к шутке. Король смеялся и говорил своему премьеру Морепа: "Я их соучастник. Я смеялся их пародиям!". А не окажись я в это время в Версале, будь я в отъезде? Моего друга Лафайета сослали бы в провинцию, и не было бы никаких Америк!

— Ну, это как сказать, — возразила мисс Шиппен. — Как говорится, чему быть, того не миновать. А ваш второй случай?

— Лафайета все-таки перевели в провинцию, правда, с повышением в капитаны. Ему было тогда семнадцать. И вот случай. В провинциальный Мец заехал к маршалу де Бройлю небезызвестный вам герцог Глостер с супругой. Герцог под влиянием отборных вин иронизировал над своим венценосным братцем королем Георгом. И тогда впервые Лафайет услышал о каких-то тринадцати американских штатах, которые хотят отделиться от всемогущей Британии. А на следующий день Глостеру доставили из Лондона почту, а в ней сообщалось о Декларации Независимости, которую тут приняли четвертого июля тысяча семьсот семьдесят шестого года. И был приложен текст этой Декларации, которую герцог зачитал. Лафайет мне потом рассказывал, что в ту же секунду его сердце было завербовано. Еще бы! Оказалось, что мечты о Свободе героя "Общественного договора" Жан Жака Руссо осуществляются где-то за океаном! Он был загипнотизирован этим. А не заехал бы герцог Глостер в провинциальный Мец? И не получи он случайно именно тогда текст Декларации?

Молчание было ответом на этот риторический вопрос. Сегюр продолжил:

— А через два года, весной, Лафайет прибежал ко мне утром, в семь часов, я еще и не вставал, а он плотно закрыл двери, присел на кровать и объявил: "Я уезжаю в Америку!".

— Если он ваш друг, почему же вы не поехали с ним?

— Не успел я поразмыслить, как он исчез, — развел руками граф Сегюр. Лейтенант граф Александр де Ланжерон совершенно был уверен, что тут Луи Филипп врет. И время поразмыслить было, и Лафайет через год

побывал во Франции — Сегюр мог уехать с ним и тогда. Он просто не рискнул оказаться в немилости у короля, не рискнул положением, потому что все, кто уехал с Лафайетом, считались арестованными. А теперь — теперь можно было и поехать, чтобы и разделить славу друга, и приобщиться к событиям историческим. Граф Ланжерон сказал, адресуясь к мисс Радклиф:

— Мы тут слышали, что Вашингтона именуют Джорджем Первым, как королевскую особу.

— О, да, — ответила она. — Так и следует его именовать. Должен же кто-то в этой стране навести порядок.

— Джордж? Король? — мисс Шиппен рассмеялась.

— Но дорогая, он всем король! И успехами, и статью, — сказала Радклиф.

— Конечно, ростом он два метра, а весит сто килограммов, — продолжала улыбаться мисс Шиппен. — Это был бы самый тяжелый король в свете. И самый неуклюжий. Я помню его молодым на балах. Я тогда была еще девочкой, но говорили, что за один танец с ним можно похудеть на целый фунт. В Вирджинии не было ни одного состоятельного семейства, где были девушки на выданье, куда бы он не явился с предложением жениться. Но почему он так поступал? Потому что был влюблен, да и до сих пор без ума от жены своего друга Джорджа Ферфакса — Салли. Она и сейчас хороша собой. А тогда... само обаяние, сама обольстительность. И умна, весела, общительна. Он все свои успехи и карьеру, и победы до сих пор кладет к ее ногам. Все еще надеется на взаимность.

О, это заявление пришлось по душе лейтенанту Александру. Он, как никто, в этом отношении понимал неведомого ему генерала Вашингтона. А мисс Шиппен продолжила:

— Но дело не только в этом. Неуклюжий молодой Джордж Вашингтон хотел войти в иной мир. В доме Салли звучали не только вульгарные ирландские экосезы, но и Гайдн, и Чимароза. У них говорили о Марке Аврелии, о философии стоиков, о Плутархе, как о соседях по плантации. А Сенеку читали, как Еженедельную филадельфийскую газету. Для него это был другой, заветный мир! Но Салли лишь играла с Джорджем, разжигала его страсть, то отвечала взаимностью, то не замечала его. А потом уехала с мужем в Англию. А Джордж и сейчас, как я знаю от книготорговца, заказывал биографии Карла XII и Петра Первого. И мраморные бюсты Руссо и Вольтера, чтобы, когда Салли вернется, быть с ней вровень. Но теперь, увы, ваш Джордж Первый уже не тот вирджинский молодой великан. Годы берут свое. Он давно женат, обременен семьей. У него зубы держатся на проволоке и, говорят, он слепнет.

Да, горький урок почерпнул в этой истории лейтенант Александр. Его тоска по Диане была столь велика, что он тут же решил пробыть в Америке не больше года и вернуться в Париж, а не воевать, пока у него зубы повиснут на проволоке. В это время мисс Радклиф с такой страстью исполнила на клавишине "Партиту" Фрескобальди, что граф Александр укрепился в своем решении и от всего сердца посочувствовал генералу Вашингтону.

Фрегат "Орел" был отведен на верфь, предстояла починка. Поэтому офицеры решили не терять времени и в сопровождении проводника, все того же расторопного майора Джонсона отправились в ставку Вашингтона в Ньюбери, где застали самый разгар празднеств по случаю проводов французских войск в Европу. Крошечный Ньюбери оброс гигантским палаточным предместьем, где располагались войска двух армий. В нескольких таких палатках, не лишенных походной элегантности, расположились офицеры с фрегата. Лейтенант Шарль быстро отыскал своего отца, барона Виомениля, который сказал при встрече:

— Ты все-таки здесь. Я буду рад тебя поздравить, когда здешняя романтика покажется тебе адом.

Но он был рад. Они были похожи: два лица с одинаковыми орлиными носами и пронзительными черными глазами. Вторую пару родственной схожести являли вице-адмирал Водрель и его сын лейтенант Риго: два голубоглазых розовощеких блондина. Генерал Вашингтон, к дому которого офицеров с фрегата привел для представления командующий французскими войсками генерал Рошамбо, сразу отметил это сходство.

— Замечательный факт, — сказал он, окруженный своими адъютантами и французами. — С французской стороны вместе с нами не только отцы, но и их сыновья. Ваш сын, дорогой Рошамбо, геройски сражается в Вест-Индии. А я... я недавно похоронил сына. Но чем мне не сын вот этот молодец? — он показал на высокорослого гиганта Квентина Ришеборга. — Разве мы не похожи?

Действительно, между ними было сходство и в стати, и в росте, и в снисходительном взгляде на окружающих. Правда, Вашингтон был сероглаз, а Квентин сиял карими молодыми глазами, но словам генерала офицеры зааплодировали.

— Вот вашей внешности нет пары, — продолжал генерал, взглянув на лейтенанта Ланжерона. — Но зато тут много сердец, что бьются в унисон с вашим.

— Думаю, что обнаружу такие сердца под каждой шляпой, — ответил лейтенант Александр, разряжая душещипательную атмосферу, которую он

не любил. Генерал улыбнулся. Лейтенант продолжил: — А что касается внешности... Мои родители умерли. Братьев у меня нет. Так что, мне придется беспокоиться самому, как воздействовать на судьбу и природу.

— Да, — улыбнулся генерал. — Это единственно верное решение.

Ему подвели коня. Через секунду он довольно легко для такого богатрского сложения впрыгнул в седло и в сопровождении верховых отправился на утренний моцион и осмотр лагеря. Умерший сын был его приемным сыном. Свою верную и долготерпеливую жену Марту он взял вдовой с двумя детьми. Когда четыре года назад в его стане появился девятнадцатилетний Лафайет, между ними сложились отношения дружеские и даже нежные — Вашингтон полюбил молодого француза отеческой любовью. Своих детей у него с Мартой не было.

За порядком в палаточном Ньюбери генерал следил лично. Требовал элегантно оформить палатки, выложить гравием дорожки. В отсутствие жарких дел издал приказ по армии о шляпах и повелевал "придать шляпам вид единой военной формы, подрезав поля, носить надлежащим образом и украсить...". В лагере было множество маркитантских фирм, которые предлагали все, что душе угодно, по части выпивки и съестного, но только за твердую валюту — французский франк или английский фунт, а не за обесцененный американский доллар. Поэтому французские офицеры с осторожностью принимали приглашения к столу от американских офицеров: им не на что было накрыть стол и достойно угостить своих французских соратников. Да и Вашингтон писал в письме Конгрессу о том, что американские офицеры, хоть и хозяева, но могут предложить французам во время визита лишь "вонючее виски, и то не всегда, и жалкое подобие мяса без овощей"... Зато ответные визиты устраивались французами по полной мерке: с винами из фамильных подвалов, сырами всех провинций Франции и вдохновенными творениями национальной кухни. Как-то за завтраком в палатке четверых друзей с фрегата снова зашел разговор о том, что же все-таки ждет эту страну — Америку. Здесь они узнали, что только в битве под Йорктауном французы потеряли сто восемьдесят шесть человек убитыми. Оправданы ли эти жертвы? И чем же они оправданы? Предстоящим голодом? Восстаниями в американской армии? Вот о чем спрашивал лейтенант Ланжерон отца Шарля, барона Виомениля, здешнего старожила.

— Да, — ответил тот, — мы слышали, что был бунт войск в Коннектикуте. И там зачинщиков казнили на месте.

Генерал Вашингтон писал Линкольну в Филадельфию: "Я не могу не

опасаться, когда я вижу, что столько людей, обремененных тысячами воспоминаний о прошлом и ожиданием будущего, вот-вот выйдут в мир, измученные нищетой и тем, что они называют неблагодарностью страны. В долгах по уши, не могущие принести домой ни цента, растратив свои лучшие дни (а многие и имущество) ради достижения свободы и независимости... Терпение и долгие страдания армии почти исчерпаны".

— Но не думаю, что Вашингтон станет тут монархом Джорджем Первым, чтобы навести порядок, — продолжал барон Виомениль. — Хотя, как я знаю, многие высшие офицеры и крупные люди хотят этого. У него не тот полет, не тот масштаб. Возьмите последнее сражение под Йорктауном. Он хотел идти сразу на Нью-Йорк. Вы знаете, чего стоило генералу Рошамбо переубедить этого упряма? Он, видите ли, составил свой стратегический план! Рошамбо попросту сказал ему, что французская армия пойдет на Йорктаун, а он может отправиться со своей стратегией куда угодно. И он сдался, согласился с Рошамбо. И теперь пожинает плоды "своей" победы под Йорктауном. Доходило до курьезов. Когда англичане церемониально сдавались под Йорктауном, они склоняли головы и оружие перед нами, перед отлично экипированными шеренгами французов, а не перед разношерстной американской армией, которую за ее вид и армией назвать трудно. Эта армия в столь торжественный момент улюлюкала, гримасничала, а ее оркестр завел этот пошлый "Янки дудль". Английский офицер подъехал к нам, хотел официально вручить акт капитуляции Рошамбо, но нам, что поделать, пришлось его отправить к этим варварам.

— Вы во многом правы, — сказал вице-адмирал Водрель, наслаждаясь блюдовернским сыром и запивая его острым белым бретонским вином, — но, как мне кажется, вы не правы в главном. Я тут разговорился с одним из его соратников. Он говорил, что действительно, генералу напрямую предлагают стать Джорджем Первым. Считают, что союз тринадцати штатов дальше может существовать только в форме монархии. Но Вашингтон никогда на это не пойдет. И не потому, что он так уж любит республику и конституцию, а просто потому, что, во-первых, это было бы предательством всей идеи и тысяч таких же землевладельцев, как он. А он порядочный человек, не без ошибок, конечно, но не властолюбец без совести и меры. И, во-вторых, страна эта не так уж бедна, чтобы воздать должное армии и вернуть все долги. Просто тем, у кого есть большие деньги, это не выгодно. Они скупили все долговые обязательства и с помощью голодной армии, раздавая подачки, хотят по этим долговым обязательствам получить все в твердой валюте. Им выгодны бедствия этой страны. А генерал

Вашингтон, по сути, остался землемером, фермером. И интересы финансистов отлично видит и понимает, и никогда не узурпирует с помощью армии власть, чтобы его тут же прикончили и нажились на всем этом.

Посчитав тему исчерпанной, барон Виомениль сообщил сухопутным господам офицерам с фрегата, что генерал Рошамбо принял решение отправить их вместе с экспедиционным отрядом к владениям Франции на Гаити.

— Там предполагаются боевые действия против англичан, — сказал он. — Я назначен командиром десантов. Вице-адмирал Водрель будет руководить соединением кораблей для десантирования.

Господа сухопутные офицеры восприняли эту новость весьма воодушевленно, хотя старались ничем не выказать этого. Они могли быть в числе ста восьмидесяти шести погибших, если бы оказались на этом континенте раньше. Эта мысль угнетала многих из тех, кто представлял себе собственную судьбу немного иной. Может быть, поэтому сливки высшего света виконт де Ноайль и граф де Сегюр решили возвращаться вместе с экспедиционным корпусом во Францию.

Проводы воинов Рошамбо из Ньюбери, несмотря на веселую музыку полковых оркестров, были грустными. Палаточные предместья опустели, деревянные кольшки и гравийные дорожки будто свидетельствовали о разорении. Французские войска в белых мундирах, со знаменами, под волны барабанной дробы колоннами уходили мимо склонившего голову генерала Вашингтона. Они шли вдоль рядов синемундирной американской континентальной армии и ополченцев в ладных куртках и шляпах с фазаньими переливчатыми перьями. Все было с иголочки. И сапоги, и башмаки. Фрегат "Орел" привез среди прочего и воинскую одежду для американцев. Главное, все пришлось в пору. И в этом сказывался опыт, потому что в прошлых поставках две тысячи башмаков, сделанных мастерами Бретани, оказались слишком миниатюрными для ног американской солдатни. Американский военный оркестр играл французский военный марш до тех пор, пока колонны не исчезли в дальних холмах. Весь вечер накануне остающиеся офицеры писали письма домой. Лейтенант Ланжерон написал полковнику де Дама, теткам Аделаиде и Альбертине довольно оптимистичные послания. Диане Вапалье он писал: "Судьба моя мне представляется картиной, на которую я сам кладу краски и стараюсь сделать так, чтобы они были верными. Но как бы ни было, какими бы намерениями я ни руководствовался, краски эти образуют ваш портрет. Мне отрадно смотреть в заводи ваших глаз, я боюсь притронуться к золотому локону у вашего виска, потому что портрет ваш оживает, вы улыбаются, и я надеюсь, что, может быть, и мне".

Время потекло в ожидании и военных занятиях. Теперь они жили в одном из освободившихся домов, и на Рождество у них был гостем генерал Вашингтон. Он был весел, говорил, что мирный договор с англичанами — дело решенное. Когда фрегат "Орел" еще был в Атлантике, шли конфиденциальные переговоры американцев с Англией, а тридцатого ноября мирный, хоть и предварительный, договор был подписан.

— Еще бы! — восклицал генерал. — У Англии на руках война не только с нами и Францией, но и с Голландией и Испанией. Россия нейтральна, но создала Лигу нейтральных государств, к которой присоединились семь стран, и даже Священная Римская империя! Раньше в Англии говорили: даже если американцы займут Вестминстер, мы не дадим им независимости! А теперь их Парламент принял резолюцию, по которой каждый, желающий продолжать войну с нами, объявляется врагом Британской нации. Вы должны извинить наших представителей в Париже Джона Адамса и Бенджамена Франклина. Они действовали столь успешно, что король Людовик уволил вашего премьера Вержена. Правда, дал ему пост министра финансов, и остается надеяться, что на этом посту Вержен проявит себя лучше.

Был и ответный визит в дом генерала, где их встречала его жена Марта, приехавшая из поместья Маунт-Вернон. Глядя на эту низкорослую довольно полную женщину, наблюдая за простыми манерами Вашингтона, который вместе с тем не терпел панибратства, лейтенант Ланжерон думал о том, как себя чувствует этот, уже убеленный сединами человек, более двадцати лет проживший в мире и согласии со своей женой, но всю жизнь любивший ту самую, единственную, может быть, и предназначенную ему, но по воле небес разлученную с ним Салли... Как это могло быть? И почему так судилось этому человеку? Каковы были причины, что помешали этой любви стать разделенной? Разумеется, девятнадцатилетний граф Александр проецировал эту судьбу на себя и ужасался мысли, что с ним может случиться что-либо подобное.

Ремонт фрегата близился к концу, и последние французы оставили гостеприимный Ньюбери и радушного генерала. В Филадельфии реконструкция на второй этаж отеля Мэй оказались тщетными: доступные голландки и шведки исчезли, да и барон Водрель распорядился, чтобы господа офицеры заняли каюты на фрегате. "Aigle" ранним утром вышел в залив Делавэр, сопровождаемый добровольным лоцманом майором Джонсоном. Но лодка с индейцами и ополченцами приняла его на свой борт вместе бочонком спиртного, который был незамедлительно, еще на воде пущен в дело.

При выходе из залива, уже в океане, их поджидали еще два фрегата, "Великий Конде" и "Бретань", пришедшие из Бостона. Об этом было договорено заранее. И вице-адмирал Водрель поднял на мачте свой брейд-вымпел, объявив этим свое командование над соединением кораблей. Курс держали строго на Зюйд, перед Кубой взяли Вест, и уже поворачивали к острову Гаити, как купол неба среди ясного безоблачного дня будто налился свинцом, а на горизонте возникла темная полоса. Старшины засвистели в свои дудки штормовое предупреждение, хотя по-прежнему все было спокойно. Сухопутные офицеры на корме перед кают-компанией с удивлением наблюдали корабельную суету, взирали на матросов, спешно убирающих паруса, а барон Водрель отдал команду своему адъютанту: всех пехотинцев упрятать во внутренние помещения и трюмы, а офицерам посоветовал разойтись по каютам. Но было поздно: неизвестно откуда и без видимой причины на судно обрушился ураганный ветер, многих сбил с ног, и они ползком стремились укрыться в кают-компанию. В ее иллюминаторы офицеры увидели вал воды, как им показалось, высотой в горный хребет, было произнесено слово "цунами", и вал накрыл судно вместе со всеми его надстройками и мачтами. Корабельный капеллан молился, но палуба ушла из-под его ног, и он опрокинулся, полетел спиной вниз к дверям, по пути сбивая вцепившихся в обеденный стол офицеров. Шторм не утихал и через день, и через два. Было много раненых. Лекарь не успевал ставить примочки. У всех были бледные лица, мучила головная боль.

— Наш фрегат надо было назвать "Приглашение к похмелью", — сетовал лейтенант Александр.

Шторм стих так же внезапно, как и начался. Приходили в себя, определяли местонахождение, осматривались. Двух других фрегатов видно не было. Началось новое испытание — зноем. Моряки ходили по палубам полуголые. Офицеры в каютах отлеживались нагишом. Когда швартовались в Порт-о-Пренс, подлинным испытанием было облачиться в мундир. "Великий Конде" и "Бретань" уже стояли у причалов — они пришли раньше. В Порт-о-Пренсе была база французского флота, и в ожидании начальственных распоряжений офицеры в сопровождении старшего морского офицера Мишо, который бывал здесь, сошли на берег. В одноэтажном городке смотреть было не на что. В харчевне попробовали ананасового вина и решили его закупить — хорошо утоляло жажду. Лейтенанта Ланжерона удивило обилие негров, некоторые из которых были без ушей. Капитан Мишо объяснил:

— Это свидетельство того, что негр пытался бежать от хозяина. За это им здесь отрезают уши.

— Странно, — сказал граф Александр. — Разве они используют уши, когда бегут?

Местечко было в прошлом пиратское. Оказывается, и у французской просвещенной нации были свои пираты! Двести лет назад они истребили тут английских конкистадоров, проливали реки крови, но свою столицу назвали Порт-де-Пе — Порт Мира. Англичане еще тогда укрылись неподалеку, на Ямайке, где и теперь базировался английский военный флот. Лейтенант Шарль в качестве курьеза купил огромную черепаху, которых тут во множестве продавали в лавках. Один из ближних островов из-за обилия черепах назывался Тартю — остров Черепаха. Тут же продавалось и свежее черепашее мясо.

— Ты ее съешь? — спросил Александр у Шарля, имея в виду его покупку.

— Увезу в Париж. Они долго живут, — ответил Шарль.

— Тогда назови ее Мазарини. У нее непроницаемый взгляд.

Сам он купил изображения негритянских божков и символическую женскую фигурку из ярко-рубинового горного минерала. Торговец сказал, что это Жозефина, приносящая счастье, потому что была принесена в жертву богам вместе с петухами и голубями.

Когда вернулись на фрегат, вице-адмирал Водрель объявил им в кают-компанию, что завтра утром "Орел" снимается на Венесуэлу.

— Англичане захватывают и разоряют испанские порты, — сказал барон Виомениль. — Как вы знаете, у нас с Испанией военный союз. Нашей эскадре приказано идти к порту Пуэрто-Кабельо и задать жару англичанам.

Утром все три фрегата ушли из Порт-о-Пренс, взяв курс к берегам Южной Америки. Венесуэла — маленькая Венеция — была названа так, потому что ее первооткрыватели увидели тут дома на сваях, но в Пуэрто-Кабельо никаких подобных домов не было и в помине. Тут были причалы и укрепленный форт. У причалов стоял восьмидесятипушечный линейный корабль англичан и два фрегата. Французские суда еще не приблизились на расстояние выстрела, как за кормой "Великого Конде" стали ложиться ядра. Это открыли стрельбу длинноствольные пушки форта. Вице-адмирал Водрель приказал сделать разворот и выйти из зоны обстрела. Даже начать артиллерийскую дуэль не было никакой возможности из-за этих пушек. Положение было безвыходным. Вице-адмирал через сигнальщиков указал курс остальным кораблям: строго на Норд. Это означало retirarse с позором, возвратиться на Гаити. Это, видно, поняли и на англ-

лийских судах: там над мачтами расцвел в вечернем небе издевательский фейерверк. Но как только берега скрылись на горизонте, вице-адмирал распорядился идти назад, но не на Пуэрто-Кабелью, а незаметно проскользнуть к Каракасу — порту в полусотне миль от Пуэрто-Кабелью. Каракас был настолько хорошо укреплен, что к нему английские суда не подходили. Здесь вице-адмирал затребовал для своей эскадры три гребные баржи, которые были тут же заполнены бочками с порохом и нефтью. На фрегаты взяли лоцманов, знающих прибрежные мели, и под звездным сияющим небом, в темноте, следом за баржами начали движение в сторону Пуэрто-Кабелью.

Когда стали видны огни форта, фрегаты остановились, а баржи пошли вперед самым тихим ходом, стараясь производить как можно меньше шума. Фрегаты тем временем спустили на воду лодки, и сухопутные офицеры заполнили их со своими солдатами. Лейтенант Ланжерон был во второй лодке с двадцатью солдатами на борту. Рулевой взял курс следом за баржами, гребцы-матросы действовали так, что и уключины весел не скрипели. Тишина южной ночи не нарушалась ничем. Очевидно, и англичане уверились, что фрегаты еще вчера вечером ушли на Гаити, потому что баржи с порохом и нефтью подошли к бортам их линейного корабля и к фрегатам беспрепятственно, зажгли фитили, и команды гребцов попрыгали в подготовленные лодки, уже не заботясь о производимом шуме, чтобы успеть уйти от взрыва.

Но это был не взрыв, а разверзшийся ад, полыхнувший пламенем до небес. Лейтенант Ланжерон всего лишь жестом смог отдать команду грести изо всех сил к причалам, потому что спустя какие-то минуты пушки форта начали обстрел отлично освещенной сцены залива, которая представляла собой три пылающих английских судна, с которых в воду прыгали уцелевшие моряки. В них стреляли из ружей, а оказавшихся близко закалывали шпагами. Коронады и пушки французских фрегатов расстреливали форт прямой наводкой, но прекратили залпы, когда отряд лейтенанта Ланжерона — это было отлично видно с фрегатов — подошел к причалу и перебрался на его дымящийся деревянный настил, и лейтенант с пистолетом и шпагой в руках повел его к стенам форта. Достигнув их, он направил отряд в обход и, всего лишь замешкавшись в крепких зарослях возле рва, оказался в тылу форта, ворота которого преодолели с помощью веревочных лестниц. Во внутреннем дворе форта в полутьме вспикела схватка холодным оружием, но лейтенанту пришлось стрелять, когда на него напали два английских солдата. В это время подошла и помощь — по

приставным лестницам на стенах форта появились солдаты Шарля, и он сам со шпагой в руке пробирался к бойницам. Все было кончено в считанные минуты. Неожданность, ночь, пылающие факелами английские суда, паника — англичане стали прыгать со стен, и, кто уцелел, бежали через пригород в сторону городка Сан-Фелипе. Французские фрегаты вошли в залив, и вице-адмирал Водрель с бароном Виоменилем, оказавшись на берегу, поздравили офицеров с крещением боем. Выставили посты охраны. В кают-компаниях кто-то уже вспоминал моменты схватки, кто-то говорил о стратегии Фемистокла у острова Саламин в четыреста восьмидесятом году до новой эры, где тоже все решила внезапность и быстрота, но граф Александр Ланжерон в разорванном и запачканном кровью мундире просто упал на свою кровать и тут же заснул. Со вчерашнего утра он не спал тридцать восемь часов.

Когда они вернулись на Гаити, все французские и испанские суда отдали должное их победе, приспустив свои флаги на мачтах. После крещения боем небольшая эскадра вице-адмирала Водреля курсировала вдоль американских берегов. Были небольшие стычки с английскими судами, долгие артиллерийские дуэли, высадки в маленьких портах, где суда ремонтировали, а команда и сухопутные войска приходили в себя, завязывались береговые знакомства и даже романы, имевшие свою лирическую фабулу, характерную своей пылкостью и быстротечностью. Дальнейшие экспедиции в порты маленькой Венеции были отменены: до Гаити дошла весть о том, что 20 января 1783 года был заключен предварительный мир между Францией и Англией. Военные действия прекратились. Известие это пришло на фоне слухов о сыне генерала Рошамбо. Он усмирять бунт негров на "Эспаньоле" и был так жесток, что подчиненные ему офицеры возмутились и потребовали его удаления. Негров он не только казнил лично, отрезая им пальцы, руки и языки, но и заставлял пленного негра выкалывать глаза своему негру-отцу. Офицеры подали петицию в Военное министерство, сыну Рошамбо предстояло предстать перед трибуналом, но он сдался англичанам без боя. "Дневник для Дианы" лейтенанта Ланжерона был закончен, и он отправил его с одним из кораблей по адресу Дианы Вапалье в Париж. А спустя две недели был получен приказ и эскадре Водреля возвращаться во Францию.

